

АЛЕКСАНДР ТАМОНИКОВ

РУССКИЙ
ЧАСТОКОП

Москва
2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

Тамоников, Александр Александрович.
Т17 Русский частокол / Александр Тамоников. —
Москва : Эксмо, 2019. — 320 с.

ISBN 978-5-04-104103-8

Роман о жизни и ратных подвигах древнего славянского рода. Рассказ о любви и преданности, о силе и коварстве, о мудрости и заветах далеких предков.

Общий тираж книг А. Тамоникова — около 10 миллионов экземпляров.

На берегу Оки соседствуют три славянских племени. Всякое между ними бывало: и враждовали они между собой, и делили спорные земли, и вместе забавлялись на Ивана Купалу, и воровали друг у друга невест... Но пришла беда — добрались до здешних мест свирепые хазары. И встал вопрос: пропадать соседям поодиночке или сообща дать отпор врагу. Старейшина одного из родов, мудрый Дедиц, предлагает объединиться. В первом же бою славяне заманивают передовой отряд хазар в ловушку и уничтожают его. Хвала богам! Но не ведают победители, что в этой схватке погиб любимый сын хазарского кагана. А это значит — жди лютой мести...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-104103-8

© Тамоников А. А., 2019
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Ветви векового дуба, мимо которого шла широкая тропа от селения Вабежа к капищу — ритуальному месту рода Кобяк, гнулись от порывов сильного ветра, клонились к земле от дождя. Сверкали молнии, гремел гром. Листву срывало и уносило от леса в поле. Молния ударила в невысокую сосенку, что росла недалеко от дуба, и та вспыхнула свечой яркой, сгорев в мгновение. Прогремел оглушительный гром и — еще удар. На сей раз молния угодила в очищенное от ветвей бревно срубленного дерева. Но бревно не разгорелось — дождь затушил. Небесный огонь приближался к старому дубу, который почитался как символ вечной жизни. Казалось, Сварог, верховный бог славян, вместе с Перуном, богом грома, молнии и ветра, прогневались на дерево и вознамерились изничтожить его.

— Ой, Вавула, боязно мне, — проговорила девушка шестнадцати лет, которую под кустом акации сжимал в объятиях молодец двадцати одного года.

— Ничто, Ведана, побесится Перун да успокоится, охолонится.

— Ох и заругает отец, я же говорила, что к Дарине Перстан пойду, а она рядом живет. Наведается отец туда, а меня нету.

— Куда он пойдет в такую непогоду?

— Может пойти. И чего отвечать?

— Скажи, до грозы на реку наведалась. Искупалась. А потом и ветер поднялся, и гром загремел, и молнии ударили. Под обрывом на берегу и схоронилась.

— Не поверит.

— Но и не прознает, что мы вместе были.

— Это да...

Куст, спасавший поначалу, теперь перестал быть защитой. Набух от воды, проливал ее на укrywшихся под ним. Холщовая рубаха, подпоясанная ремнем, у Вавулы и такая же, только длиннее, ниже колен, украшенная вышивкой по верху горловины, у девушки промокли насквозь. Так же и штаны у парня, и онучи у обоих. Вавула крепче прижал к себе Ведану, так теплее. Сверкнула третья молния, и эта попала в дуб.

Оглушительный гром заставил Вавулу и Ведану пригнуться. Раздался треск, вековое дерево расщепило, как плаху, пополам, от середины пошел вверх огонь, охватил крону, и занялся дуб ярким факелом. И надо же, после этого гроза прекратилась. Тучи скрылись за лесом, ветер стих. Боги сделали свое дело, Перуна, видать, уговорил сын Сварога Дажьбог — Солнца Царь. Потому как появилось светило, и все вокруг заискрилось в его ярких лучах. Только дуб горел.

— К беде то, — воскликнула Ведана.

— Может, и так, а может, и нет, — ответил Вавула, — ты беги оврагом к реке, оттуда к дому своему. А я в свое село проберусь. Мой-то отец тоже, наверное, ищет сына непутевого.

— Почему непутевого? Ты — хороший.

— О том завтра проведаешь. Помни, буду на той стороне реки, где отмель да коса песчаная. Как начнутся огненные игрища, так и буду.

Девушка кивнула и, огибая лесом горящий расщепленный дуб, бросилась в овраг, подобрав подол рубахи. Вавула снял онучи, побежал полем к своему поселению Рубино.

На берегу Оки в этом месте, где были поле и лес поблизости, стояли три села, восточнее более крупное Вабежа, старейшиной которого с момента, как встали здесь люди, пришедшие с земель северных, народ избирал Веденя Кобяка, отца Веданы. Вблизи от него чрез овраг да небольшие поля, менее версты, село Рубино, там старейшиной был отец Вавулы, Заруба Дедил. Дальше по течению, там, где лес вплотную подходил к обрывистому берегу реки, стояло третье село, Заледово, где люди избирали старейшиной Тихомира Сергуна. Названия селений привезли с прежних земель, пошто менять то, что утвердилось.

Села представляли собой огороженные где тыном, где плетнем поселения с воротами в ограде — в поле и к реке. На реке плоты, лодки-однодревки — хозяйство рыбаков, а рыбачили почитай все мужики.

Внутри городьбы — жилища рода. Здесь и только начавшиеся появляться рубленые дома с остроконечными крышами и пристройками-клетями, огороженные плетнем, внутри которого — загоны, хлева и полуземлянки с врытыми в землю погребам и даже землянки, что ставили как времянки на земле, где потом возводились дома.

После дождя народ потянулся на улицу. Смотрел в небо, шурясь от солнца.

Дом, где жила семья старейшины, находился недалеко от ворот, ведущих к реке. Оттуда и решил зайти Вавула. Пред тем присел на земляной бугор, обмотал ноги холстом с подошвами, обвязал бечевой. И в онучах двинулся к воротам. Хотел пройти короткой дорогой, да угодил в канаву. Попал в крапиву — обожгла огнем. Там его заметил младший брат Горян, которому недавно исполнилось десять лет:

— Вавула? Ты чего тут? Тебя отец ищет, мама беспокоится.

— Что, брат, зол на меня отец?

— Обещался кнутом угостить, как появишься.

— Вот и иди домой.

— А что делать? Все одно идти.

— Это да, ты же расскажешь, что видел меня.

— Знамо дело, мама молвит, обманывать не хорошо.

— Угу, верно молвит. А ты чего сюда вышел?

— На реку посмотреть. А интересное с другой стороны. Мужики с бабами к большим воротам пошли. Слыхал, вековой дуб опосля грозы горит.

— Да ну? — Вавула сделал вид, что не знает. — То к несчастью.

— Так же и люди молвят. А старец Светозар успокаивает, мол, отгонит зло, коли от деяний Перуна не пострадало капище.

Вавула спросил:

— А оно пострадало?

— Вроде нет. Старики туда пошли, один вернулся, поведал, что там тока мокро от дождя.

— И то добре. А ты не шляйся тут, да к воде не подходи, лучше у дома будь или с ребятней играй.

— Игратся завтра на день Купалы будем.

— Ну, гляди. Отец, молвишь, дома?

— Дома. И мама, и Ерема, и Росана.

Последние были средним братом и младшей сестрой Вавулы.

Он встал, поправил полы на рубахе. Как был мокрым, двинулся к городьбе дома. Там у входа уже стоял отец. С ним соседский мужик, он что-то рассказывал, размахивая руками.

Завидев Вавулу, старейшина рода вывел мужика за городьбу, подошел к сыну:

— И где ты был?

— В лесу, — не моргнув глазом, соврал сын, впрочем, он не врал, был же у леса, можно сказать, в лесу, а то, что не один, отца не касалось.

— В лесу? — удивился Заруба Дедил. — И чего ж ты там делал?

— У меня на охоте у прежнего лука верхний рог обломило, видать, сильно тетиву натянул, вот и искал заготовку для нового.

Отец с недоверием посмотрел на сына:

— Нашел?

— Не-а. На опушке можжевельника нет, а вглубь зайти не успел, началась гроза, мыслил, прибьет еще молния. Разгневался бог Перун не на шутку.

— И где, в каком месте ты был?

— Да недалече от векового дуба, в который молния попала, под кустом. Вот видишь, промок весь.

— У дуба? Ты видел, как он загорелся?

— Видел, — кивнул Вавула, — тока до того молния сожгла сосенку, подожгла бревно, что мужики там оставили. Бревно дождь погасил, сосенка же сгорела. А потом молния уже в дуб ударила. Но загорелся он не сразу, поначалу расщепило его, и тока потом огонь по дереву от середины, где расщеп, к кроне пошел. И что дивно, отец, как загорелся дуб, так гроза тут же и прекратилась. Через время малое уже солнце светило. Ну я обходами домой.

— Пошто обходами?

— Дабы высохнуть немного под солнцем-то. Старейшина хмыкнул:

— Хм, вроде не врешь.

Вавула воскликнул:

— А чего мне врать-то? Не дитя уже, не отрок, считай мужик, осталось домой жену привести, да свой дом поднять. Уже двадцать один год.

— Слыхал я, Вавула, ты на дочь старейшины рода Кобяка в Вабеже, Ведану, глаз положил?

— А чего? Девка хорошая, статная, красивая, здоровая. И из семьи равной.

— Откель у тебя мысли такие — равной? Али не ведаешь, что старейшину на вече избирают?

— И все одно, главенствует в роду старейшина. Вот и Ведана — дочь старейшины.

— А как же Голуба, дочь гончара Лихаря Рубана? Мы ж с ними о твоей свадьбе договорились. И он согласился, и Голуба.

Вавула понимал, что пойти против воли отца открыто и ныне вызовет только гнев у родителя да упорство, которое уже не сломить, посему схитрил:

— Ну вы ж пока тока договорились. До сватовства дело-то не дошло?

— Умыкнешь ее завтра, и сделано, почитай, дело. Остальное пойдет само собой.

— Ладно, треба умыкнуть невесту, умыкну. А где землю мне община выделит под дом?

— Община и решит, земли свободной на селе много.

— Добре, отец, пойду переоденусь, а то хворь подхвачу и вместо праздника на лаве огненным валяться буду.

— Ступай и — гляди у меня!

— Отец, это ты сыну, которому двадцать один год?

— Для меня ты до смерти дитем будешь.

Вавула зашел в дом, переоделся. Внутри дом состоял из теплого помещения — комнаты с одним-единственным окном, больше для проветривания, потому как топился зимой по-черному. Подстава, что могла служить столом и малой лавкой, лавы рядом, вдоль стены низкие лавы, лежанка, на стенах шкура медведя, других зверей, убитых на охоте. Вторая медвежья шкура на дощатом полу. Такие стали недавно делать. В простом жилище — полуземлянке пол был земляной. У входа отдельная каморка, рядом печь-очаг глиняная. К дому-срубам пристроили две пристройки — клетки, там кладовые, комнаты. Крыша утепленная, покрыта соломенными вязанками.

Мать выставила на стол уху, кашу, кувшин с квасом, половину каравая.

Потрапезничав, Вавула завалился на свою лежанку, что ближе к печи, потянулся:

— Хорошо!

Мать собрала утварь, смахнула со стола крошки и вышла. Ей еще надо было воды из родника натаскать. Все хозяйство в общине по традиции вели женщины. Мужики — добытчики, они работали на земле, охотились, рыбачили. Кто-то занимался ремеслом, больше бортничеством, резьбой по дереву, кладкой печей, отец Голу-

бы — тот гончарил. У всех было дело. Без него не проживешь.

Вавула задремал. От дремы оторвал его отец:

— Не захворал?

— Не-е.

— Тогда не рано ли завалился спать?

— А чего делать-то?

— Не ведаешь? Жених тоже. А верши проверить? С бреднем по реке пройти?

— Так не голодный же год.

— То только Велесу вестимо. Подымайся и выходи на берег, да переоденься.

— Ладно, иду!

Вскоре сын с отцом (Заруба Дедил, не глядя на старейшинство в общине, работал, как все) на лодке-однодревке, выдолбленной из куска целого дерева, отошли от берега. Вавула, правивший веслом, пустил лодку по течению. Верши ставили ниже, где помельче на изгибе реки у омутов да прибрежных ив. Рыбы там водилось много: и жерех, и подлещик, и плотва, и язь, и сазан.

Вернувшись, оставили улов, взяли бредень. Пошли вдоль берега вверх по течению до обрывов. Тут взяли крупного леща, щуку и стерлядь. Вытащив бредень на берег, мелочь бросили обратно в воду, крупную в корзинах поставили в однодревку. С уловом пришли к нижнему затону напротив села. Туда же сходились и другие рыбаки. Места для рыбалки хватало всем.

Дедил рыбачил поблизости, кто-то дальше, за омутом и обрывами. Опять-таки одни проверяли снасти, покуда солнце не ушло к горизонту, другие позже, третьи в сумерках, дабы не мешать друг другу.

С уловом вошли на подворье. Жена старейшины принялась чистить рыбу, что пойдет на уху да жарево-парево, отобрала часть улова для соления и копчения — заготовки на зиму.

К Дедилу пришел старец Светозар, весь заросший, в одеже, отличной от других. Он был в общине волхвом, или жрецом, или, как его еще называли, — кудесником. Именно он творил все обряды и смотрел за святым местом сельчан, за капищем. Его почитали на селе, без него не бывало ни одного праздника, ни одной свадьбы, ни одного погребения. Только он был способен общаться с богами.

Старейшина встретил волхва, усадил на лавку пред домом, внутрь тот пойти не захотел. Жена принесла квасу. Светозар отказался, попросил воды. Ольга принесла чашу с родниковой водой.

Дедил молчал, первым должен был говорить старец.

Тот скovyрнул кусок грязи с рубахи, выдохнул:

— Нет боле дуба векового.

Старейшина насторожился:

— И чего теперь? Беды ждять?

— Беда, Заруба, приходит, когда ее не ждешь.

О том же допытывались и сельчане, молвил,

коли капище не пострадало, знать, обойдется. Тебе скажу: не обойдется.

— Что с капищем?

— Там ничего, а вот гибель дуба — дурная примета. Сколько веков простоял, и ничто. И еще столько же мог стоять, да вот гроза сгубила его. Неспроста это. Приметил, какой гроза была? Словно для того, чтобы загубить дуб. Знать, прогневался на нас Перун. А коли прогневался, то и наказание грядет. А вот какое, Перун не ответил. На капище я впервой не смог говорить с ним. Не пожелал он услышать зов мой. Так что плохи дела.

— Так что же произойти может?

— Все что хочешь. Мыслю, пожар может случиться, все же огнем знак был. А может, буря. Не ведаю, оттого и маюсь, Заруба.

— Что делать мне, старец?

— Пройдись по селу, поговори с людьми. Пусть к пожару готовы будут. Да не пугай, молви: гроза, что дуб сгубила, ушла, но вернуться может, и коли застанет врасплох, то погубит всех.

Дедил возразил:

— А не лучше ли тебе это сделать? Я кто? Я — как все, а ты с богами разговариваешь, тебе веры боле.

— Веры боле, тут ты верно говоришь, но и испугаю я их боле. Начну гутарить — испугается люд, а того допустить никак не можно. Сразу бросит все да подастся в лес.